

ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР: РОССИЯ И ГЕРМАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Свидание Наполеона с Александром I в Тильзите, русско-французские соглашения и предшествовавшие им переговоры не раз становились предметом исследования¹. При этом историки реконструировали содержание тильзитских переговоров, анализируя ближайшие политические последствия Тильзита для Европы и мира в целом. Разумеется, такой метод правомерен ввиду того, что документация происходивших за закрытыми дверями переговоров практически отсутствует, а в мемуарах отразилась лишь поверхностная, «внешняя» сторона Тильзита. Однако и тогда, когда многие документы, связанные с переговорами, еще не были разысканы и опубликованы, и теперь, когда восстановлены в общих чертах сюжетные линии переговоров, историки обращались преимущественно к тому, как трактовались восточный и польский вопросы в Тильзите, оставляя в стороне германские проблемы. Между тем, как свидетельствуют известные и вновь обнаруженные документальные источники, эти проблемы имели для деятелей русской дипломатии первостепенное значение. Накануне и во время переговоров их позиция во многом определялась стремлением в буквальном смысле слова сохранить Пруссию как государство.

В одном из таких документов, озаглавленном «Некоторые соображения, которые могут быть использованы в инструкциях русскому уполномоченному на мирных переговорах», вопрос о Пруссии был поставлен на первое место. В данном источнике отсутствуют все признаки официального характера: он не подписан, не датирован и не имеет помет об утверждении его императором. Тем не менее, если даже и нельзя его признать одним из вариантов инструкций для ведения мирных переговоров², то во всяком случае это один из документов, исходивших из окружения императора Александра перед началом переговоров на уровне дипломатических представителей. Что касается датировки, то, поскольку первый раздел начинается словами: «В согласии с тем расположением, какое выказал неприятель со времени сделанных ему первых предложений о перемирии...», то документ может быть датирован «не ранее 4(16) июня», когда генералу Л. Л. Беннигсену было дано разрешение начать переговоры. Важнейшим вопросом в переговорах «Некоторые соображения» признают возвращение Пруссии прусскому королю, в связи с чем далее шла речь о согласовании совместных действий русских и прусских представителей. Однако затем следовала оговорка о том, что Наполеон может потребовать от Пруссии вступить в Рейнский союз, что предполагало военные обязательства Пруссии по отношению к Франции³. В документе шла речь о необходимости вести переговоры о возвращении герцогства Мекленбургского, оккупированного французскими войсками, его «законному государю», что, как указывалось в этом пункте, не должно представлять особых трудностей ввиду постоянных заявлений Наполеона о готовности как можно скорее заключить мир с Россией. После ряда соображений относительно вознаграждений для королей Неаполитанского и Сардинского документ вновь обращался к германским делам, рассматривая ганзейские города (Гамбург и Любек) как эквиваленты при вознаграждении Пруссии, если бы Наполеон отказался вернуть королю оккупированные земли. Возврат их означал большой успех для русской дипломатии ввиду того, что, как подчеркивалось в документе, ганзейские города оставались важным элементом российской торговли. Вознаграждение Пруссии землями в Германии предполагалось и в том случае, если бы Россия смогла получить вознаграждение на Балтийском побережье как эквивалент за уступку княжества Ефер, «вотчины» российского императорского дома близ Ольденбурга. Русскому уполномоченному предлагалось дать согласие на признание Рейнского союза, королей Баварии, Вюртемберга, Саксонии и остальных «нововведений», разрушительных для того порядка вещей, который существовал прежде.

Другой подобного рода документ — «Проект инструкций уполномоченным для ведения переговоров о мире с Францией», обнаруженный В. Г. Сироткиным в бумагах российского министра иностранных дел А. Я. Будберга⁴. Этот документ также не несет на себе формальных признаков официального утверждения и может быть датирован «не ранее 12(24) июня» — даты ратификации соглашения о перемирии, о котором идет речь в начале «Проекта инструкций». Составленный от имени Александра I, «проект» также ставит германские проблемы на первое место. «Вопрос,

*Искуль Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

интересующий меня превыше всего,— восстановление короля прусского в его владениях. Догадываясь о намерениях Буонапарта на сей счет, я не скрываю от себя, что весьма не легко будет добиться возвращения прусскому королю всех его владений... В случае, если это окажется совершенно невозможным... придется ограничиться установлением границы по Эльбе, предоставив остальную территорию в распоряжение Буонапарта, и попытаться, если можно, получить какой-нибудь эквивалент в курфюршестве Саксонском или добиться передачи прусскому королю городов Гамбурга и Любека... Не берусь заранее предопределять, что надеется получить король в результате прямых переговоров между ним и французским правительством, а посему ограничиваюсь тем, что настоятельнейшим образом рекомендую поддерживать уполномоченных Его Прусского Величества в той мере, в какой сие будет зависеть от вас, при всяком удобном случае подчеркивая, что я принимаю искреннее участие в судьбе короля и буду расценивать как уступку мне лично все то, что французское правительство сочтет возможным сделать в его интересах». Далее шла речь о восстановлении суверенитета Мекленбурга, причем от имени Александра I особо подчеркивались «родственные узы», связывавшие Мекленбург-Шверин и российский императорский дом.

Общее совпадение очередности изложения пунктов, которые предполагалось отстаивать на переговорах с французской стороной, текстуальные совпадения вплоть до отдельных выражений позволяют предположить, что «некоторые соображения» явились определенной основой при составлении «Проекта инструкций». Отсутствие подписей и резолюций императора не мешает высказать предположение, что «Проект инструкций» если не написан императором, то мог быть продиктован им.

К этим документам примыкает также меморандум, опубликованный Н. К. Шильдером, но, возможно, по другому списку⁵. В публикации и в приложении его краткой редакции также нет указаний на авторство, однако на первой странице документа, хранящегося в Архиве внешней политики Российской империи, имеется помета «Барон фон Харденберг»⁶, поэтому логично предположить, что меморандум, находящийся среди аналогичных, вышедших из-под пера Харденберга, документов, также имеет прямое отношение к барону. Скорее всего, меморандум был составлен и согласован еще в ходе первых русско-французских контактов, когда союзники предполагали вместе отстаивать общие интересы. Среди «преимуществ, которые извлечет Франция из заключения мира», в меморандуме выделялся разрыв отношений, связывавших Россию с Англией и Австрией, и «признание всего, что достигнуто Буонапартом». В этом пункте Россия давала согласие «на все, что будет совместимо с наиважнейшими ее интересами и достоинством, дабы заключить мир прочный и почетный». К «требованиям России» в меморандуме относилось «восстановление» короля Прусского⁷, «восстановление» Мекленбурга и вознаграждения для Неаполя и Сардинии. С российской стороны следовало признание «всего того, что Франция сделает в ее (Пруссии.— С. И.) пользу». Однако, если она не будет восстановлена в первоначальных границах,— говорилось в меморандуме,— то по крайней мере Пруссия должна получить границу по Эльбе. Ниже в тексте, рядом со знаком нотабене, разъяснялась позиция России в отношении прусской границы по Висле: эта граница могла быть признана только в том случае, если Пруссия получит вознаграждение, причем совершенно определенно указывалось где — в Богемии⁸: «Австрия вела себя столь двулично как по отношению к России, так и по отношению к Франции, что весьма заслуживала бы быть униженной»⁹. Этот пункт как нельзя лучше характеризует раздражение союзников тем обстоятельством, что Австрия, не откликнувшись на предложение присоединиться к Бартенштейнской конвенции, так и не выступила на их стороне в войне против Франции. Раздражение это в окружении Александра I, вполне возможно, поддерживалось извечным прусско-австрийским антагонизмом.

Как бы то ни было, сравнение как «Некоторых соображений», так и «Проекта инструкций» и «Меморандума» с документами, подписанными в Тильзите, позволяет сделать вывод, что многие положения рассмотренных проектов инструкций были положены в основу согласованных текстов русско-французских документов. Это прежде всего относится к договоренностям по германским аспектам переговоров¹⁰. Таким образом, одним из основных вопросов, обсуждавшихся в Тильзите, был германский, включая и вопрос о судьбе Пруссии.

Отношения между Россией и Пруссией определяла так называемая Бартенштейнская конвенция от 14(26) апреля 1807 г.¹¹ За два дня до свидания на неманском плоту прусский канцлер фон Харденберг с согласия Александра I существенно ее дополнил, исходя из того, что Россия и Пруссия вместе выступят на переговорах с Францией и вместе будут отстаивать свои интересы. При этом он ссылаясь на ст. 14 конвенции, предусмотрительно включенную в свое время самим

канцлером; в ней шла речь о том, чтобы в случае, если Австрия и Англия не присоединятся к русско-прусскому союзу и если возникнут другие затруднения, оставить за собой «право согласиться впоследствии между собой... относительно мер, которые должны быть приняты, смотря по обстоятельствам...»¹².

Харденберг предлагал «вернуться» к системе, которую прусские политики принимали во внимание как возможный вариант, к планам прусско-русско-французского союза. Условия тройственного союза, по Харденбергу, сводились к следующему: по разделу Турции (решающему условию нового союза) Россия приобретала Молдавию, Валахию, Бессарабию, Румелию с фортами на азиатском берегу и Болгарию; Австрия получала Далмацию, Боснию, Сербию и часть Валахии; король Обеих Сицилии приобретал Албанию и Республику Семи Островов, а король Сардинии Виктор-Эммануил — Македонию; Франции предлагалось довольствоваться Фессалией, Ливадией, Негропонтом, Мореей, Кандией и островами Архипелага; Сицилия и Сардиния передавались соответственно королю Жозефу Бонапарту и Франции. По плану Харденберга должна была быть восстановлена Польша. Предлагалось возвратить ей отторгнутые у нее по последнему разделу земли, кроме Позена, Данцига, Торна, оставшихся у Пруссии, и ряда земель, находившихся в составе России. Королем Польши становился саксонский король. Пруссия, существование которой вообще было в то время под вопросом¹³, по плану прусского канцлера, сохраняла, за исключением Вестфалии и Байрёйта, все свои земли и приобретала курфюршество Саксонии, Лузанию, часть земель Бамберга и Вюрцбурга на северном берегу Майна. Предполагалось, что Франция «получит в свое распоряжение» Бремен и позаботится о вознаграждении для Великого герцога Вюрцбургского. Во владение Пруссии перейдут Любек и Гамбург, а также ограниченный суверенитет над рядом германских государств, оказавшихся за пределами «Германии», т. е. Рейнского союза. Харденберг предполагал образовать «федеративную систему» из ряда этих государств (Анхальт-Бернбург, Анхальт-Цербст, Шварцбург, Рейс, Штольберг, герцогские мекленбургские и саксонские дома) во главе с Пруссией¹⁴. Курфюрст Гессен-Кассельский и принц Фульдский восстанавливались в своих владениях и присоединялись к прусской системе¹⁵.

Планы прусского канцлера серьезно обсуждались в присутствии Александра I, были им утверждены и должны были лечь в основу на предстоявших переговорах. Хотя почти наверняка мысль о том, что планы Харденберга слишком далеки от реальности, и возникла при обсуждении, никто из присутствовавших не высказался против этих проектов¹⁶. Более того, Александр I собирался поручить прусскому канцлеру ведение переговоров с Наполеоном от имени своего и Фридриха-Вильгельма III. Поведение Александра при утверждении плана Харденберга было весьма характерно для императора. Он мог утвердить план, в осуществление которого, возможно, внутренние уже не верил и, когда наступал решающий момент, с легкостью от него отказывался или так видоизменял его, что в новом варианте с трудом можно было узнать первоначальный проект. Кроме того, Александр I еще не знал, что потребует от него Наполеон, и поэтому мог просто отказаться от дальнейших обсуждений этих планов, рассматривая их лишь как вариант соглашения, который стоило обсудить непосредственно во время переговоров.

На основании плана прусского канцлера 23 июня 1807 г. в Таурогене были составлены инструкции графу фон Калькрёйту, уполномоченному прусского короля для ведения переговоров о перемирии между Пруссией и Францией. «Их Величества полагают,— говорилось в инструкциях,— что, имея в виду их представления о мире и таковые же Наполеона, маршалу нетрудно будет приуготовить пути к переговорам, на коих он выступил бы уполномоченным сообща с бароном фон Харденбергом. Раздел европейской Турции явился бы средством к примирению всех заинтересованных сторон...»¹⁷.

25 июня (7 июля) состоялось свидание Наполеона с Александром I. Переговоры были перенесены в Тильзит, а утвержденный план Харденберга оставался невостребованным. Более того, прусский король так и не был допущен на неманский плот. В тот день он ожидал на правом берегу Немана, что его, наконец, позовут. Нетерпение монарха было столь велико, что, по словам адъютанта П. М. Волконского, он машинально дал своей лошади войти в реку и остановился, когда вода была уже ей по брюхо¹⁸. Приняв на следующий день Фридриха-Вильгельма, Наполеон сразу же дал понять, что тому придется довольствоваться ролью статиста. В ответ на попытку короля доказать, что причиной разрыва с Францией является нарушение последней нейтралитета Пруссии в 1805 г., Наполеон заявил, что несчастью Пруссии вызваны просками англичан. Он до такой степени не считался с королем, что не представил тому своих генералов и в отличие

от Александра I не пригласил на обед. Решительным тоном Наполеон высказался против участия в переговорах Харденберга, который перед войной с Францией отказался принять французского посла¹⁹.

Отступление от духа и буквы Бартенштейнской конференции, выразившееся в том, что Александр I не воспрепятствовал стремлению Наполеона договариваться с каждым из союзников порознь, а также согласился на свидание с Наполеоном и отдельные переговоры, было для Пруссии тяжким ударом. Положение короля в момент русско-французских переговоров представлялось в высшей степени унижительным. Александру I удалось добиться только того, чтобы Фридриха-Вильгельма иногда допускали на официальные приемы и чтобы некоторому числу прусских войск позволили находиться в Тильзите. Александр I заверял короля в неизменности своих дружеских чувств и готовности защищать интересы Пруссии²⁰. Позицию русского императора не следует объяснять целиком личными симпатиями его к прусской королевской семье и клятвой, данной им в Потсдаме на гробе Фридриха Великого, хотя нельзя и вообще игнорировать факт прочных пропрусских симпатий. Чувствуя себя связанным Бартенштейнской конвенцией, он считал отстаивание целостности Пруссии своим долгом²¹, справедливо полагая, что с ликвидацией Гогенцоллернской монархии границы Французской империи и России соприкоснутся, а это, по-видимому, не входило в расчеты Александра I. Необходимо принять во внимание, что в его представлении Тильзитский мир был миром вынужденным, навязанным стечением обстоятельств²². Поэтому Александр I должен был быть заинтересован в том, чтобы не оставлять Пруссию одну. После первого же дня переговоров заинтересованность Александра в судьбе Пруссии должна была возрасти, так как он узнал о намерении Наполеона на занятых им прусских землях создать два новых государства.

Отстраненный от переговоров прусский канцлер поддерживал тесные отношения с Александром I и А. Я. Будбергом и поэтому в целом был осведомлен о ходе русско-французских переговоров, продолжая питать иллюзии относительно успеха русско-германских дел. При всей фантастичности предложенного Харденбергом плана канцлеру все же нельзя отказать в известной прозорливости. Харденберг строил свой план спасения прусской монархии и «исправления фигуры» Пруссии на проекте раздела Турции и воссоздания польского государства. Он не предполагал, что Наполеон также предложит обсудить вопрос о наследстве Османской Порты и уже решил вычленив из Пруссии ряд восточных земель для образования герцогства Варшавского. Когда канцлер узнал об этом, то, хотя и был по требованию Наполеона отстранен от переговоров, вновь выдвинул свой план. Представляя Фридриху-Вильгельму 13(25) июня свою записку, Харденберг пояснил, что было бы полезно довести ее до сведения императора французов. Этим, по его мнению, достигалась и другая цель: прусский канцлер получал доступ к переговорам (в случае одобрения записки), что, возможно, помогло бы улучшить положение Пруссии²³. Как и в первой записке, Харденберг выдвигал на первый план союз Франции, России и Пруссии, который утвердил бы в Европе новую систему на основе радикального решения вопроса о Турции. «Основанная на великих и либеральных началах, она (система русско-пруско-французского союза.— С. И.) будет господствовать над миром,— писал Харденберг,— принудит Англию к заключению справедливого мира и уступкам в деле свободы морей... Раз усвоив эту систему, надобно будет энергично и разумно следовать ей. Отныне император Наполеон также не может желать ослабления Пруссии; наоборот, он должен сделать ее более сильной...» Средство к достижению этой цели могло быть найдено, «если бы решились положить конец присутствию Османской империи в Европе...»; однако о разделе европейской Турции сказано было одной общей фразой: «Россия и Австрия получили бы для себя компенсацию в европейской Турции». По новому плану Пруссия уступала Франции провинции по левую сторону Везера и часть Байрёйта (с последующей уступкой его Баварии), бамбергские земли на правом берегу Майна, Любек и Гамбург с округами. О федерации под главенством Пруссии больше речи не было, но прусские владения отделялись от остальной Германии. Кроме Гессен-Касселя прусский канцлер предлагал восстановить в прежних владениях принца Нассауского и герцога Брауншвейг-Вольфенбюттельского. Харденберг придумал и королевство для младшего брата Наполеона, Жерома, в Швейцарии (не предполагая, что «уступленные» им прусские земли за Везером вскоре будут превращены в Вестфальское королевство)²⁴.

На заседаниях 21—22 июня планы Харденберга обсуждались в присутствии союзных монархов и Будберга. Однако, несмотря на всю изворотливость Харденберга, пытавшегося направить политику России, Франции и Австрии на удовлетворение их интересов за счет Порты (территорию Европейской Турции еще нужно было завоевать!), ему не удалось добиться желаемого. Харденберг по требованию Наполеона был удален и заменен графом фон Гольтцем. Вряд ли Александр и тем паче

Фридрих-Вильгельм сочли возможным ознакомить Наполеона с планами Харденберга. Слишком очевидно было, что Наполеон только терпит присутствие прусского короля. Александр I встречался с Наполеоном наедине, не делая попыток привлечь к беседам Фридриха-Вильгельма.

Спасение Пруссии находилось в руках русского императора; неудачная миссия прусской королевы в Тильзите, на которую пруссаки возлагали надежды, это подтвердила. Император французов отверг ходатайства о возвращении областей, которые предполагалось отторгнуть от Пруссии. Наполеон был непреклонен: низведение Пруссии до уровня второстепенной державы было предreshено. «Ваш король,— сказал Наполеон графу Гольтцу,— всем обязан рыцарской привязанности к нему императора Александра: не будь этого, династия короля лишилась бы престола, и я отдал бы Пруссию моему брату Жерому. При таких обстоятельствах король должен считать за одолжение, если я что-нибудь оставлю ему»²⁵.

В ходе личных свиданий Наполеона и Александра после заключения перемирия между Францией и Пруссией отстраненный от переговоров Харденберг предпринял еще одну попытку повлиять на события. В письме Александру I он отстаивал точку зрения, что Пруссия должна быть заключена в свои «естественные» границы (Эльба — Неман), стать «промежуточным» государством между Россией и Францией. Напоминая Александру I о союзнических обязательствах, он советовал употребить все силы к тому, чтобы «бывшие польские провинции» Пруссии остались в ее составе на правах конституционной автономии. Канцлер указывал на необходимость сохранить за Пруссией ее старые области — Старую Марку, Магдебург с округами по реке Заале, Мансфельд и Хальберштадт, вознаградив Саксонию и королевство Вестфальское земельными владениями на севере Германии (Хильдесхайм, Гослар, Лаунбург, Хоншайн, Айхсфельд и др.). «Ваше Величество вполне может предвидеть, что, ослабляя Пруссию, как то проектирует Наполеон, он затрагивает интересы Европы и самой России. Какова же та роль, которую он станет играть по отношению к России, будучи повелителем Европы, окружив Пруссию со всех сторон на Висле, в Данциге и Торне, рано или поздно получив доступ к Мекленбургу и шведской Померании, которую он, вероятно, отберет у шведского короля и введет в состав Рейнской лиги...?» Настаивая на том, чтобы Александр противился планам Наполеона, Харденберг заканчивал свое послание словами: «Пусть же Пруссия станет между Эльбой и Неманом поистине промежуточной державой!» (подчеркнуто рукою Харденберга)²⁶.

27 июня (9 июля) 1807 г. мирный договор между Россией и Францией был подписан и ратифицирован через два дня после подписания²⁷. Согласно ст. 4, прусский король «из уважения к Его Величеству императору всероссийскому» восстанавливался в своих владениях. В этой статье подробно перечислялись те области, которые Наполеон «уступал» Пруссии. Таким образом, Пруссия возвращалась к границам 1772 г. Из восточных прусских провинций образовывалось Великое герцогство Варшавское. Великим герцогом становился саксонский король, член Рейнского союза (ст. 5). Статьи 11 и 12 касались правовых вопросов, неизбежно возникающих в случае перемены правления, в данном случае при уступке Пруссией части земель в пользу герцогства Варшавского. Статьи 6, 8, 9 определили статус Данцига: восстановление его независимости и учреждение «покровительства» над ним со стороны прусского и саксонского королей. Саксония и Великое герцогство Варшавское получали право пользования военной дорогой через прусские земли. Число войск и этапы должны были быть определены особой конвенцией между всеми заинтересованными сторонами с участием Франции (ст. 7). По ст. 13 восстанавливался суверенитет герцогов Саксен-Кобургского, Гольштейн-Ольденбургского и Мекленбург-Шверинского; в портах двух последних герцогств оставались французские гарнизоны до обмена ратификациями будущего окончательного мирного договора между Францией и Англией. Русский император признавал Рейнскую конфедерацию, владения и титулы каждого государя этого союза германских государств, а также владения и титулы будущих членов этой конфедерации (ст. 16). Принц Жером-Наполеон признавался королем Вестфалии (ст. 19), образованной из левобережных прусских провинций по Эльбе и других владений (ст. 20). Особыми статьями русский император принимал на себя посредничество в деле примирения Англии и Франции. Александр I обязывался заключить перемирие с Турцией и вывести свои войска из дунайских княжеств до окончательного решения по поводу этих областей в мирном договоре, заключенном при посредничестве Франции. В «отдельных и секретных статьях» был важный пункт, определявший вознаграждение Пруссии в случае уступки Ганновера, владения британской короны, королевству Вестфальскому (ст. 5). Там же помещалась статья о выплате Францией ежегодной компенсации представителям владетельных домов Германии, лишенных своих владений (Гессен-Кассель, Брауншвейг-Вольфенбюттель, Нассау-Ораниен).

Некоторые проблемы (восточный вопрос) остались за пределами соглашения, не были сформулированы в тексте договора и породили впоследствии недоразумения и взаимные претензии²⁸. Учреждение герцогства Варшавского фактически отодвинуло границы Французской империи далеко на восток, между тем как идея русско-французского союза строилась Наполеоном, в частности, как раз на том, что границы России и Франции не соприкасались²⁹. Однако вопросы, связанные с установлением новых отношений в Германии, представлены в договоре достаточно полно и ясно.

Наряду с прусской проблемой предметом забот Александра I еще до переговоров с Наполеоном было восстановление Фридриха-Франца, герцога Мекленбург-Шверинского, в его владениях. В январе 1807 г. герцог Фридрих-Франц покинул занятый французами Мекленбург и до Тильзита пребывал в датской Альтоне, откуда вел переписку с Александром I³⁰. На одно из писем герцога Александр отвечал: «... С горестным чувством узнал я о тяжелом положении, в коем оказались Ваша Светлость из-за того, что французское правительство попало самый принцип законности и справедливости. В этом единственный источник возмутительных поступков, объектом коих стали Ваша Светлость...»³¹.

Попытки Фридриха-Франца вернуть свои владения, где уже в декабре 1806 г. мекленбургские гербы сменились французскими орлами, успеха не имели. Наследный принц Людвиг отправился ради этого в Берлин, однако «Буонапарт, как сообщал мекленбургский посол фон Лютцов, не принял его, так как тот числился на российской службе. Талейран также не стал вступать с принцем ни в какие объяснения и только через три недели принял Лютцова, сказав при этом, что будущая судьба Мекленбурга целиком зависит от того поведения, которого Россия будет придерживаться по отношению к Франции...»³².

Некоторое время Лютцову казалось, что его вместе с баденским послом хотят использовать в попытках завязать русско-французские переговоры, имея в виду родственные отношения между Мекленбургом, Баденом и Россией. В своем письме из Гродно от 23 февраля 1807 г. Лютцов даже перечислил некоторые условия, на которых французы согласились бы вести переговоры³³. Однако сыграть роль посредника Мекленбургу не удалось. До Тильзитского мира страна оставалась оккупированной и несла все тяготы, связанные с присутствием иностранных войск. Но на переговорах с Наполеоном, как и предполагалось Александром I³⁴, в вопросе о Мекленбурге не встретилось никаких препятствий; ему без труда удалось добиться уступок и другим своим родственникам — герцогам Саксен-Кобургскому и Гольштейн-Ольденбургскому.

Остальные статьи Тильзитского договора, касающиеся Германии, можно занести в актив французской дипломатии. Ведь с русской стороны последовало признание всех настоящих и будущих перемен в германских государствах. Это было значительным отступлением от Бартенштейнской конвенции, выдвигавшей одной из главных целей коалиции уничтожение Рейнского союза, существование которого в Германии признавалось нетерпимым. Александр I признавал все новые титулы государей Рейнского союза и королевство Жерома-Наполеона, который получил бы и польский трон, если бы Александр I согласился на новую границу России по Висле³⁵.

Может показаться, что признание русским императором территориальных и политических изменений на карте Европы, произведенных Францией со времен Республики до июля 1807 г., всего лишь запоздалое подтверждение установленного в Германии порядка. Не будь между Францией и Англией состояния войны, санкционирование постфактум успехов французской политики явилось бы лишь окончательным ударом по легитимистски настроенным кругам Европы, видевшим в России последний оплот реставрации старого режима. Признание Александром I новой ситуации в Европе, и в частности в Германии, а также титула «императора французов» свидетельствовали об отказе России от политики союза с Англией, подкрепляли обязательство о разрыве с Англией в случае неприятия ею посредничества России в деле заключения англо-французского мира и о совместных военных действиях против этой державы³⁶.

Противоречия между недавними противниками после подписания тильзитских документов отнюдь не исчезли. Смягченные лишь в незначительной мере, они не замедлили проявиться в скором времени и, несмотря на то, что германский вопрос был рассмотрен подробно и всесторонне, он еще не раз становился предметом самого пристального внимания тильзитских союзников.

9 августа 1807 г., по возвращении русского императора в Петербург, был обнародован манифест об окончании войны и заключении мира. В тексте манифеста, подписанного Александром I и контрассигнованного Будбергом, в нескольких словах резюмировалось положение Пруссии: «По мирному договору союзнику нашему возвращены многие провинции, жребием войны отторгнутые»³⁷.

Конечно, это ни в коей мере не отражало действительного положения вещей. Талейран впоследствии язвительно заметил, что русский император вернулся в Россию, «даже не убедившись в том, что та половина, которую король сохранил за собой, будет ему возвращена незамедлительно и сполна, что ему не придется выкупать ее ценою новых жертв...»³⁸ Тем не менее в манифесте, видимо, важно было подчеркнуть не только союзнические отношения Александра I и Фридриха-Вильгельма III, но и великодушные императора. Наполеон же, напротив, не был столь щепетилен, как его новый союзник, когда заявил в Законодательном корпусе 16 августа 1807 г.: «Если Бранденбургский дом, первым вступивший в заговор против нашей независимости, все еще царствует, то обязан он тем искренней дружбе, которую внушил мне могущественный император Севера...»³⁹.

После заключения в Тильзите отдельного договора с Францией⁴⁰ Пруссия была низведена до положения второстепенной державы. Теперь ее существование целиком зависело от русско-французских отношений в новых условиях, когда, как писал сразу после Тильзита немецкий публицист, в Европе установилось «двойное господство» Франции и России⁴¹. Некоторые прусские политические деятели, например, бывший министр фон Харденберг, выражали свое негодование недостойным, по их мнению, поведением Александра I, свое унижение приписывали предательству России⁴². Однако сам прусский король верил в то, что отношение к нему Александра не изменилось. «Мне слишком хорошо известен образ мыслей Его Императорского Величества, чтобы не быть уверенным в том, что он разделит со мною эту новую печаль, охватившую меня,— писал он в Петербург своему послу барону фон Лендорфу 18 июля 1807 г. после подписания франко-прусской конвенции 12 июля,— душу его, чувствительную и великодушную, должно быть, глубоко взволновали те невыразимые несчастья, кои повлек за собою для всех нас подписанный нами мир; и он с тем большей готовностью поспешит сделать все возможное, дабы попытаться облегчить это новое бремя...»⁴³.

Тильзитский мир подвел черту под многолетним периодом русско-французских отношений, который характеризовался переходом от попыток мирного решения спорных вопросов, в том числе и германского, к открытой конфронтации. Мирный договор закрепил существовавшее к моменту его заключения французское преобладание в Германии. Попытки Пруссии выступить вместе с Россией на переговорах с Францией, используя Бартенштейнскую конвенцию и проекты Харденберга, не увенчались успехом. Пруссия должна была заключить с Францией отдельный договор, уступив половину своей территории вновь образованному королевству Вестфальскому и Великому герцогству Варшавскому, и обязалась платить Франции контрибуцию и содержать французские оккупационные войска.

Вместе с тем сохранение Пруссии, хотя и в урезанном виде, следует считать успехом российской внешней политики⁴⁴. Сохранение Пруссии и возможное улучшение ее положения диктовались не столько личными мотивами Александра I, сколько соображениями укрепления безопасности России в будущем. Однако при оценке дипломатии Александра I в Тильзите необходимо принимать во внимание, что Тильзит — это сепаратные переговоры и сепаратный мир не только по отношению к Англии, но и по отношению к Пруссии. Переговоры велись за спиной Пруссии, и мир был заключен Россией без ее участия. Если учесть, что на определенном этапе переговоров французская сторона стала разыгрывать карту русско-французского союза, то союзнический долг России по отношению к Пруссии предполагал совершенно определенный образ поведения, сопряженный с твердостью и настойчивостью. Дошедшие до нас документы не позволяют судить, проявил ли такие качества Александр I на том этапе русско-французских переговоров, когда Пруссию еще можно было спасти.

Во всяком случае серьезная дипломатическая поддержка, оказанная Россией Пруссии после Тильзита⁴⁵, свидетельствует не только о последовательности российской внешней политики по отношению к германским государствам, но и о некоем комплексе вины, по крайней мере в том, что касается Пруссии, оставшейся в Тильзите один на один с могущественным победителем. Отношения между другими германскими государствами и Россией в этот период и позднее складывались на двойственной основе: с одной стороны, эти государства, в том числе и члены Рейнского союза, тяготели к Франции и ориентировались на нее в своей внешней политике, с другой — будучи связанными узами родства с российским царствующим домом, они обращали свои взоры на Россию всякий раз, когда чувствовали необходимость поддержки своих претензий в Париже.

Примечания

¹ См. обзор работ российских историков в статье: Straube F. Zur Deutschlandpolitik des zaristischen Russland 1789 bis 1815//Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Bd. 19/1. Berlin, 1975. S. 103—123. См. также: Итоги и задачи изучения внешней политики России. Советская историография, М., 1981, С. 196—199.

² Именно так трактовали «Некоторые соображения» составители примечаний к аннотации документа. См.: Внешняя политика России XIX — начала XX в.: Документы российского МИД. Т. III. М., 1963. С. 754 (далее — ВПР).

³ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 89. С. 33 (далее — РИО).

⁴ См.: Сироткин В. Г. Тильзитский мир//Французский ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 77—78; ВПР. Т. III. С. 754—760.

⁵ РИО. Т. 89. С. 37—38.

⁶ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1807, д. 9418, № 22 (приложения), л. 79—80.

⁷ В краткой редакции меморандума о Пруссии говорилось: «Россия не нуждается ни в чем. Ее единственный союзник — Пруссия; предмет, коего она желает более всего — восстановления короля прусского» (РИО. Т. 89. С. 799).

⁸ В публикации Шильдера слово «Богемия» взято в скобки, как если бы это предлагалось в качестве одного из вариантов (РИО. Т. 89. С. 37).

⁹ Этот пункт у Шильдера передан менее пространно, но в том же смысле (см. РИО. Т. 89. С. 37).

¹⁰ ВПР. Т. III. С. 754—760 (примеч. 414).

¹¹ Там же. С. 557—564. По основным пунктам соглашение было разработано в ходе беседы Александра I и Фридриха-Вильгельма III 10 апреля 1807 г. (Denkwürdigkeiten des Staatskanzlers Fürsten von Hardenberg/Hrsg. von L. von Ranke. (далее — Hardenberg). Bd. III. Leipzig, 1877. S. 347—348).

¹² ВПР. Т. III. С. 564.

¹³ Весьма показателен в этом отношении незаконченный «набросок прокламации Наполеона о низложении Бранденбургского дома», составленный одним из сотрудников Талейрана в конце 1806 г. (Preussen und Frankreich von 1795 bis 1807. Diplomatische Correspondenzen/Hrsg. von P. Baullieu. Th. II. Leipzig, 1887. S. 581—583).

¹⁴ Прусские планы создания Северо-Германского союза в противовес Рейнскому союзу и Австрии встречали в прошлом поддержку только у пропрусски настроенных государей Германии. Более крупные государства, такие как Саксония, Саксен-Веймар и др., с недоверием относились к стремлению Пруссии играть преобладающую роль на севере Германии (U s i n g e r R. Napoleon und der Nordische Bund//Preussische Jahrbücher. Bd. 14. Berlin, 1864. S. 590—604). Русское правительство при всех симпатиях к Пруссии также было склонно не доверять ей в этом вопросе (см.: ВПР. Т. III. С. 308—309, 343—345). После поражения Пруссии в 1806 г. проект Северо-Германского союза утратил всякий смысл.

¹⁵ Hardenberg. Bd. III. S. 461—462.

¹⁶ Тогда же в разговоре с А. Б. Куракиным Александр I в числе причин, побудивших его к переговорам с Наполеоном, назвал возможность возвращения Пруссии ее владений, уступив при этом Франции в Молдавии, Валахии и Республике Семи Соединенных Островов. Все это говорит об определенной неустойчивости представлений Александра I перед переговорами в Тильзите (Куракин — Императрице Марии Феодоровне, 10/22/ июня 1807//Русский архив. 1868. Кн. 1. С. 176—183).

¹⁷ Hardenb.erg. Bd. III. S. 463—464.

¹⁸ Михайловский-Данилевский А. И. Описание второй войны императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 гг. СПб., 1846. С. 366.

¹⁹ Schladen Freiherr von. Preussen in den Jahren 1806 und 1807. Em Tagebuch. Mainz, 1845. S. 243, 245.

²⁰ Александр I — Фридриху-Вильгельму III, 15(27) июня 1807//Briefwechsel König Friedrich-Wilhelm III und der Königin Luise mit Kaiser Alexander I. Leipzig, 1900. № 145.

²¹ Ullmann B. Russisch-Preussische Politik unter Alexander I und Friedrich-Wilhelm III bis 1806. Leipzig, 1899. S. 317—318.

²² См.: РИО. Т. 89. С. 103.— Инструкция Александра I графу П. А. Толстому при посылке его в Париж от 14 сентября 1807 г. Не последнюю роль при принятии решения играли настроения в пользу мира среди ближайшего окружения русского императора и в армии (см.: Wolzogen L. von. Memoiren des königlich preussischen Generals der Infanterie Ludwig Freiherr von Wolzogen. Leipzig, 1851. S. 42—43).

²³ Записка канцлера была послана А. Я. Будбергу в приложении к письму из Мемеля от 16 июня 1807 г. (АВПРИ, ф. Канцелярия, 1807, Д. 9418, № 22, л. 61—62). Обнаружена она среди других бумаг, приложенных к письму Харденберга от 6 июля 1807 г. под литерой «С».

²⁴ АВПРИ, ф. Канцелярия, 1807, д. 9418, № 22 (приложение), л. 81—82; ср.: Hardenberg. Bd. III. S. 493—494.

²⁵ М и х а и л о в с к и й-Д а н и л е в с к и й А. И. Указ. соч. С. 391—392. Есть основания предполагать, что Наполеон предлагал Фридриху-Вильгельму покинуть Пруссию и принять во владение Мекленбург-Шверин. См. письмо Фридриха-Людвига принца Мекленбург-Шверинского своему отцу герцогу Фридриху-Францу I, 16 июля 1807 г.: H i r s c h e l d L. von. Ein Thronerbe

als Diplomat. Historische Studie aus der Rheinbundzeit. Nach archivalischen Quellen//Deutsche Rundschau. Berlin 1892. Bd. 70. S. 223.

²⁶АВПРИ, ф. Канцелярия, 1807, д. 9418, № 28, л. 74—75, 76—76 об., 77 об. Харденберг — Александру I, 6 июля 1807 г.

²⁷ВПр. Т. III. С. 631—642.

²⁸На это обстоятельство указывал Н. К. Шильдер во введении к публикации «Посольство графа П. А. Толстого...» (РиО. Т. 89. С. VI—VII), однако его точка зрения о том, что текстуальное несовершенство договора явилось результатом умелых действий французской дипломатии, стремившейся к свободе рук в восточных делах, несколько односторонняя. В. Г. Сироткин, опираясь на материалы, опубликованные в ВПр, сделал важный вывод о том, что русская сторона отклонила окончательное решение судьбы Европейской Турции ввиду чрезвычайной сложности проблемы, затрагивавшей интересы не только двух договаривавшихся сторон (Сироткин В. Г. Дуэль двух дипломатий. М., 1966. С. 97—99). Необходимо отметить, что Наполеон не настаивал на решении турецкого вопроса, дабы не нарушить только что установившееся согласие (M é n e v a l С.-F. Mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon Ier. Т. II. Paris, 1894. P. 105).

²⁹Вандаль А. Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой империи. СПб., 1910. Т. 1. С. 92, 101 — 102; РиО. Т. 89. С. 68.—«Нота, писанная под диктовку Наполеона», 4 июля 1807 г.

³⁰АВПРИ, ф. Канцелярия, 1807, д. 6113, № 39 и 40. Фридрих-Франц — Александру I [Б. д.] и 9(21) февраля 1807 г.

³¹АВПРИ, ф. Канцелярия, 1807, д. 6113, № 49, л. 8—9 об. Отпуск. Александр I — Фридриху-Францу, 4(16) ноября 1807 г.

³²Там же, д. 7673, приложение к № 34, л. 44. Нота фон Лютцова — А. Я. Будбергу, 23 января (4 февраля) 1807 г.

³³АВПРИ, ф. Канцелярия, 1807, д. 6113, приложение к № 32, л. 29—31 об. Лютцов— Будбергу, 23 января (4 февраля) 1807.

³⁴РиО. Т. 89. С. 34.

³⁵Предложение о территориальных приобретениях за счет Пруссии и о новой русской границе по Висле Наполеон сделал Д. И. Лобанову-Ростовскому, уполномоченному Александра I на переговорах о перемирии 22 июня 1807 г. (Русский архив. 1868. Кн. 2. С. 183—189). См. также: Tatistcheff S. Alexandre Ier et Napoléon d'après leur correspondance inédite 1801—1812. Paris, 1891. P. 135—138. В «Ноте, писанной под диктовку Наполеона», констатировалось: «... призвать принца Жерома на саксонский и варшавский престол было равносильно мгновенному перевороту во всех наших отношениях» (РиО. Т. 89. С. 64).

³⁶ВПр. Т. III. С. 645.

³⁷Journal du Nord. Août 1807. № XXXIII. P. 655.

³⁸Talleyrand Ch.-M. Mémoires du Prince de Talleyrand... V. 1. Paris, 1861. P. 315.

³⁹Journal du Nord. № XXXVI. P. 734.

⁴⁰Clercq de. Recueil des traités de la France. Т. II. Paris, 1863. P. 217—223.

⁴¹Kerk W. Frankreich und Russland Oder Doppelherrschaft in Europa. Göttingen, 1808. S. 36—40.

⁴²Har den berg. Bd. V. S. 525.

⁴³АВПРИ ф. Канцелярия, 1807, д. 9421, д. 51—52.

⁴⁴S traube F. Op. cit. S. 113.

⁴⁵Iskiul' S. N. Deutsch-russische Beziehungen und das französisch-russische Bündnis (1807—1808)//Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. Bd. 40 (1992). H. 2. S. 178—196.

© 1994 г. Е. Б. ФРАНЦУЗОВА*

ИЗ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО СУДОСТРОЕНИЯ В КОНЦЕ XVI—НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Со второй половины XVI в. начинается бурное развитие судоходства по сухоно-двинскому водному пути¹. Особое значение для освоения этой водной магистрали имели перенесение в 80—90-е гг. XVI в. центра тяжести поморской соляной торговли из Турчасова и Каргополя в Вологду, организация перевозок соли крупными северными монастырями, основание Архангельска и успехи архангельской внешней торговли.

*Французова Екатерина Борисовна, научный сотрудник Института российской истории РАН.